

М. СЕМЕНОВ

*Удалой
человек*

ДЕТГИЗ

УДАЛОЙ ЧЕЛОВЕК

Маленькая речушка Протва незаметная. Она и на карте не обозначена. Но вброд не перейти речушку — глубоко. А когда дожди идут, то совсем бурной становится Протва, не подступишься к ней.

Пустынны берега Протвы, редко тут увидишь человека. Даже скотина и та не подходит близко: берега Протвы обрывистые, крутые, неудобные для водопоя.

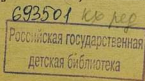
Но однажды утром ожила река. Подошли к ней части Красной армии. Видимо-невидимо людей на берегу скопилось. Тащили бревна, вбивали сваи, обтесывали доски. Шум и гам на реке стоял. Торопились люди, суетились, наводили переправу.

Третий день отбивался полк от немецкой дивизии. Храбро дрались бойцы, да силы неравны. Надо было за реку переправиться, с крутого берега успешнее обороняться можно. Но не дадут, видно, немцы переправиться.

Под высокою раkitой командиры собрались. Неважный вид был у них — лица желтые, усталые, глаза покраснели от ночей бессонных. Думали командиры, как сдержат немцев с меньшими для нас потерями.

Фашисты уже лес заняли, к атаке готовились. Вот если б задержать их кто смог!..

— Надо создать заградительный отряд автоматчиков, Другого выхода у нас нет, — сказал полковник Бабий.

Да, последнее средство оставалось у полка, и надо было его испробовать. Комиссар пошел набирать добровольцев. Охотников много нашлось, но ведь не всякого пошлешь на такое отчаянное дело. Записал комиссар автоматчиков: Николая Журавлева, Петра Ярцева и татарина Мудина Газисова. Оставалось только командира подыскать.

— Удалого человека командиром надо поставить, — сказал полковник. — Не знаю уж, кого и назначить.

— Кушева, сержанта Кушева, — раздалось несколько голосов.

Николай Кушев известным человеком в полку был. Как разведчик он не раз выполнял опасные задания. Попривалилась полковнику эта кандидатура.

— Позовите сюда Кушева, — приказал он.

Пришел Кушев, высокий, стройный, весь в ремнях затянут, с автоматом. Залюбуешься на него! Подошел он к полковнику, взял под козырек, отрапортовал.

— Здравствуйте, Кушев, — ответил полковник. — Я вас назначил командиром отряда автоматчиков. Вместе с вами четыре человека будет в отряде. Сами знаете, больше дать не могу. Сумеете задержать немцев часа на полтора?

Покраснел Кушев, смутился. С детства у него так было: как заволнуется, покраснеет обязательно. Еще в школе его дразнили за это и кличку дали — «Светлана».

— Конечно, как сказать, задержим. На два часа задержим, — сказал Кушев.

Лишние полчаса брал он на себя.

Вдохнул полковник облегченно, понял, что не подведет Кушев, но все же сказал на прощанье:

— Знаете, Кушев, все вы можете погибнуть, но полк будет спасен. Поняли, какая ответственная и почетная задача перед вами?

— Понял, — тихо ответил Кушев и опять покраснел.

В это время закончили наводить мост через реку. По скользким, шатким доскам стали сперва переносить раненых. За ними начали переправляться части. Заградительный отряд автоматчиков остался на берегу.

Чистое поле расстилалось кругом — ни кустика, ни бугорка.

Летом тут было пастбище, вытоптали коровы траву, гладко стало, как на стадионе. И вспомнил сержант Кушев время, когда играл он на таком поле в футбол с друзьями школьниками. Тогда ему было шестнадцать лет, сейчас двадцать три. Выросли друзья, разбрелись кто куда. Вот сейчас примет он бой с гитлеровцами, может быть и погибнет здесь, а товарищи школьные и знать не будут, что их Светлана, их Верста (вторую кличку дали Кушеву за высокий рост) умер на берегу безвестной Протвы. Но ничего не поделаешь — война.

— Негде нам укрыться-то, — сказал Кушев товарищам. — Придется, видно, окопчики сооружать.

Газисов взял у Кушева лопату, переброесил автомат через плечо, чтобы легче было работать, начал копать. Вырыл углубление небольшое, уложил дерн впереди себя. Легли. Неплохой окопчик получился, доволен Кушев остался работой.

— Вот так и копайте, — сказал он. — Главное, чтобы голову и грудь прикрыть, а ноги перебьет — не важно. Бежать нам, как сказать, все равно некуда.

Устроились автоматчики, залегли. Кушев вынул диски из сумки, пересчитал. Восемь штук, значит в них 568 патронов. И так у каждого. «Горько сегодня немцам будет!» подумал Кушев.

Лес впереди синей дымкой подернулся, не различить отдельных деревьев, все слилось в одну линию. И вдруг заколыхалась эта линия, задвигалась. «Что за навождение такое?» Кушев даже глаза протер, чтобы лучше видеть. Потом понял: пошли немцы в атаку.

Прижал сержант автомат к плечу, приготовился встретить немцев. Наметил ориентир себе — возвышенность небольшую. Может быть, это пенек какой или кучка муравьиная, не разобрать отсюда. Дойдут немцы до этой возвышенности, надо стрелять, ближе нельзя подпускать: гранатами могут забросать.

Хорошо стало видно солдат, шли они в полном снаряжении, каски у них на солнце поблескивали. Нацелился

Кушев, вот уже и стрелять пора. Низенький толстый немец обошел кочку и толкнул соседа своего. Сосед обернулся, сказал что-то, наверное выругался. И тут затарахтел, затрясся автомат в руках Кушева.

Глаз не спускал он с идущих солдат, все зрение напряг. И только когда сержант увидел, как стали падать сраженные его пулями немцы, он почувствовал, что указательный палец его лежит на спусковом крючке.

Кто побывал в бою, тот не забудет этих минут никогда.

Лишь раздадутся первые выстрелы, и овладевает душой воина великое чувство битвы, мозг пламенеет, ярость душит человека. Все, что раньше мешало ему — робость, лень, корысть, отлетает, остается чистый, благородный гнев; в такие минуты герои рождаются. Любил Кушев бой, обо всем он тогда забывал.

Не ожидали немцы отпора, залегли. Пламенем выстрелов обозначилась немецкая цепь. Палили фашисты из винтовок во всю мочь. Мина шлепнулась рядом, и раскаленные осколки с визгом разлетелись кругом. Огонь все жарче становился. Значит, приняли немцы небольшой заслон за серьезную силу. Обмануты они, это уже успех.

Стрелял Кушев длинными очередями, цели выбирал умело. Высмотрит, где немцы скопятся, и бьет по ним. Семьдесят один патрон в диске, но опустошается он незаметно. Когда приходило время перезарядить автомат, вел огонь Журавлев.

Ствол автомата накалился, рукой не притронешься. Даже кожух и тот был горячий. Но все новые и новые очереди посылал Кушев в немцев. Бой шел уже больше часа.

Замолчал кушевский автомат, нет больше в нем патронов. Ловкими, привычными движениями разобрал сержант оружие и разбросал части в стороны. Некоторые мелкие детали в карман положил. Прислушался: Журавлев тоже не стреляет. Кушев пополз к нему.

Лежит Журавлев в своем окопчике, прислонившись щекой к руке, будто уснул. Пуля попала ему в голову, чуть повыше лба.

Не уместиться вдвоем в тесном окопчике. Кушев под-

полз к Журавлеву и оттащил его в сторону. Мертвый боец прикрывал своим бездыханным телом живого товарища. У Журавлева остались нетронутыми три диска. Кушев взял его автомат и снова открыл огонь.

Почувствовали немцы, что стрельба стала реже, перебегать начали. Но вот опять ударила по ним кушевская очередь. Снова залегли немцы, снова завязалась перестрелка.

Кончились и эти патроны. Тогда перебежал Кушев к Ярцеву и автомат с собой прихватил. Ярцев весь в крови лежал, оружие его было разбито — видно, мина попала. Прилег Кушев рядом, пододвинул оставшиеся у Ярцева два диска, начал стрелять. Не было у него страха в груди, думал только о том, как бы немцев побольше убить. И прикидывал в уме: успел ли полк переправиться?

Пот бежал по лицу сержанта, последние силы собирал он. Видел, как падают немцы, и приговаривал тихо: «Вот вам, вот вам!»

«Вот вам, вот вам!» — пули, страшные как железные шмели, яростно неслись вперед, и цепи немецкие редели.

«Вот вам, вот вам!» — с глухим стоном валились фашисты на землю.

«Вот вам, вот вам!» — трупов все больше оставалось на поле.

Опять кончились патроны. Отбросил Кушев автомат, закричал Газисову:

— Мудин, ты жив?

Никто не ответил.

— Отвечай, Мудин. Почему ты молчишь?

Опять молчание.

И страшно тут стало Кушеву. Один остался, один среди мертвых товарищей. Он вскочил и бросился бежать к реке. Необыкновенно ярко мелькнул перед глазами желтый обрыв берега. А потом исчезло все.

...Очнулся он в санитарной части. Увидели друзья с другого берега реки, как свалился Кушев вниз, бросились за ним вплавь и благополучно вернулись с товарищем обратно.

Сержант Кушев, удалой человек, остался жить.

СТРЕЛЯЮЩЕЕ ДЕРЕВО

Перед полковником был разложен лист бумаги, расписанный разными красками. Больше всего в нем было зеленых пятен. Это были леса и кустарники. Стояли они крепко, вцепившись корнями в твердую, как камень, мерзлую землю. А снега кругом намело в рост человека.

Утром полковник ходил с лыжниками по лесу, полянки приметил, тропки. Можно ударить по немцам из леса, близко он подступает к Каменке, где враг засел. Выйдешь из леса, и до крайних домов метров триста будет. Тут и окопы немецкие. Красным карандашом обвел полковник на карте деревню, стрелками обозначил пути подхода к ней. Где лес гуще, можно так подобраться, что и не заметят немцы. Но не тут ли у них как раз установлены пулеметы?

Полковник посмотрел на часы и сказал связному:

— Узнайте, вернулся ли сержант Кушев. Если он уже здесь, скажите, чтобы явился ко мне.

И снова полковник склонился над картой, снова начал прикладывать линейку, подсчитывать.

Вскоре в землянку вошел рослый боец в валенках и полушубке.

— Сержант Кушев явился по вашему приказанию, — доложил он командиру.

Полковник оторвался от карты.

— Садись, Кушев, поговорим. Понимаешь, нужно точно выяснить, где у немцев расположены пулеметы. Поручаю это дело тебе. Разведку придется вести из леса. Но это очень трудно: фашисты засели почти у самой опушки. Сколько думаешь взять людей с собой?

— Да надо бы на карту посмотреть, товарищ полковник, — сказал Кушев.

— Пожалуйста.

Кушев придвинулся к карте, и они вполголоса заговорили о предстоящей разведке.

— Ну что, решил, Кушев? — спросил после минутного молчания полковник.

— Решил, товарищ полковник. В разведку думаю пойти один.

Полковник удивился. Что опять придумал этот неугомонный разведчик, как он один справится с такой задачей? Но полковник понял, что Кушева не переубедишь.

— Действуй, как знаешь, — сказал он, — тебе виднее. — И добавил тоном приказа: — Завтра в четыре ноль-ноль доложите о выполнении задания.

* *

*

Холодно, неуютно немцам на русской земле! Летом и тепло было и пищи вдоволь, а теперь кругом снег и снег, ветер студёный до костей пронизывает. Третью неделю уже полк отступает. Каждый день фашисты насчитывают десятки убитых и раненых. Ни днем, ни ночью нет от русских покоя. Совсем пали духом немецкие солдаты.

Вот теперь остановились в Каменке, но надолго ли? Майор Шнитке отдал приказ: ни шагу назад! Но разве не было таких приказов и раньше? На околице деревни: в сараях, в овинах установлены пулеметы, круглые сутки дежурят около них солдаты. Но кто может знать, когда нападут русские и с какой стороны нанесут они удар!

Одежда у немецких солдат плохенькая — сапоги дырявые, шинельки из тонкого сукна; замерзают они. Постоит немец на посту десять минут и бежит в избу греться. На смену ему другой идет. Так и маются всю ночь.

И офицеры не спят, нервничают, ночного нападения боятся.

В эту ночь у телефона дежурил лейтенант Шварц. Он мысленно молил бога, чтобы во время его дежурства не стряслось какой беды. Но лейтенант за свою жизнь уже не раз убеждался в том, что боги к нему немилостивы. Вот опять только подумал о беде, а она тут как тут: с дальнего поста закричали по телефону:

— Руссен! Руссен!

Лейтенант доложил об этом Шнитке. Последовал категорический приказ:

— Сдержать наступающих пулеметным огнем, не подпускать на близкое расстояние!

Заговорили пулеметы. Ливень пуль взметал рыхлый снег, как бритвой срезал хвою с деревьев. Но где же русские?

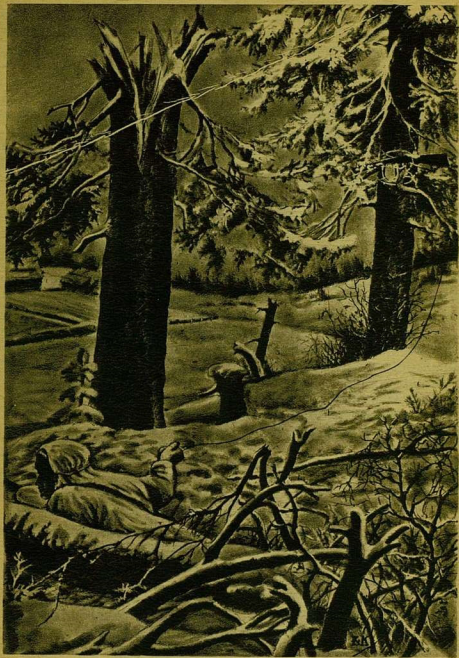
Лежит Кушев на опушке. Снежный ровик выкопал, установил в нем ручной пулемет и лежит. Чокают пули, глубоко впиваются в стволы деревьев, щелкают по веткам, а сержант спокоен. То справа, то слева вспыхивают немецкие ракеты. Тени елей скачут и пляшут на розовом снегу. Пальба не умолкает ни на минуту. А сержант спокоен — лежит и не стреляет. Станный человек!

Лишь изредка он дергал за какую-то веревочку, и тогда раздавалась короткая очередь автомата. Еще яростнее стреляли в ответ немцы. А Кушеву только это и нужно было. При ослепительно ярком свете ракет ему хорошо было видно, откуда палят немцы. Вон бревенчатый сарай, там у немцев два пулемета. Пламя выстрелов видно в окошке покосившейся бани — и тут стоит немецкий пулемет. Стреляют с чердака каменного дома, из-за сруба колодца. Все высмотрел, все запомнил Кушев. И о веревочке не забывал: нет-нет да и дернет за нее.

А веревочка эта не простая. Протянута она была по снегу, потом взбиралась на дерево; крепко-накрепко к дереву привязал Кушев автомат. Бечевка прямо к спусковому крючку прикреплена. Дернет Кушев за бечевку — и автомат стреляет. Немцы думают, что русские в наступление пошли, а это дерево стреляет. Строчат немцы по тому месту, откуда стрельба доносится, а Кушеву никакого вреда — он в стороне лежит. Вот ведь что придумал хитрый разведчик!

Перестали немцы из пулеметов палить, патронов, видно, стало жалко, в «контратаку» пошли. Двенадцать немцев барахтались в снегу, лезли прямо к ели, на которой кушевский автомат висел, а Кушев их подзадаривал — за веревочку дергал. Немцы поднялись во весь рост, бегом пустились.

Умолк автомат, кончились в диске патроны. Тут уж Кушев решил по-настоящему, сам встретить немцев. Прицелился да как хлестнул по фашистам свинцовой очередью! Попадали немцы. Стонут раненые, кричат. А Кушев

по ним еще и еще. Всех покосил. Видит, что работа его закончена, взвалил пулемет на плечи и в тыл к своим стал отползать.

* *

*

Тускло светила керосиновая коптилка. Не в силах была она рассеять скопившейся в углах темноты. У стола сидели полковник и Кушев. Перед ними карта. Красным карандашом отмечал Кушев на карте места, в которых он пулеметы немецкие заметил.

— Молодец сержант, — похвалил полковник Кушева, — задание выполнил на «отлично», — и, обратясь к связному, сказал: — Вызвать ко мне командиров.

* *

*

Рано утром завязался бой. Немцы оборонялись упорно. Но верх взяли советские бойцы. Сведения, которые принес Кушев, им очень помогли. Они уничтожили сначала пулеметчиков, а потом стали выбивать пехотинцев. Не выдержали немцы атаки, побежали. Много их убитых и раненых осталось в Каменке.

Когда кончился бой, пошел Кушев свой автомат разыскивать. И нашел. Висит он на ели цел-целехонек, только инеем покрылся. Этот автомат и сейчас служит сержанту Кушеву верой и правдой.

КУШЕВ ВЕСЕЛИТ

На фронте затишье. По ночам нет-нет да завоют минометы, заухают пушки, затарахтят пулеметы, и тогда завозятся люди, забегают. А потом опять все смолкает.

До утра лес освещается ракетами, на снегу хоть газету читай. Но ракета не снаряд, ракета пошипит и погаснет, от нее вреда никакого. Если хочешь подобраться к блиндажам немецким, тебе и свет ракет не помешает — закутайся в белый халат да поглубже в снег зарывайся, мо-

жешь не беспокоиться, не заметят немцы. И проходит ночь без событий и происшествий особых. А днем совсем тихо. Сидят бойцы в блиндажах, чистят оружие, обмундирование чинят, переговариваются. Но когда живешь с другом в землянке долгие дни и недели, разве не поговоришь с ним обо всем: и о доме, и о немцах, и о войне? И вот застучали бойцы, живого дела ждали...

Кушев человек тихий, нетребовательный, а и то загрустил. Может быть, он не стал бы скучать, потому что каждый день на работе интересной — в разведку ходит, но вот из-за друзей своих, бойцов, ему и самому стало скучно. Придет в землянку, посмотрит на их унылые лица и скорее прочь уходит.

Редко кто видел, чтобы Кушев смеялся, не такой он, все больше молчит, думает. Наверное, это привычкой стало у него от разведки, ведь там много не наговоришь. Но зато веселых людей сержант любил: как услышит где смех, подойдет сбоку и слушает. Если и улыбнется, то так робко, что никто не заметит. А теперь вот давно не слышно веселой шутки, скучают в блиндажах...

Рано утром Кушев подошел к землянке, где штаб помещается, и спросил у связного:

— Можно мне к полковнику?

Связной посмотрел на Кушева неодобрительно: и чего, мол, такую рань поднялся, — потер порозовевшее от мороза ухо и сказал нехотя:

— Погоди, узнаю.

Скоро дверь землянки распахнулась, и невидимый в клубах пара связной проворчал:

— Иди, что ли.

Полковник сидел за бумагами и поздоровался с Кушевым довольно рассеянно.

— Посиди, разведчик, я тут занят немного.

Потом, не отрываясь от бумаг, спросил:

— Ну, что у тебя?

Кушев встал, ремень поправил.

— Да вот, как сказать, скучают бойцы немного...

Полковник, углубленный в свои занятия, машинально повторил:

— Да, да, скучают, это верно.

Потом повернулся к Кушеву:

— Скучают, говоришь, мил человек? Да что ты ко мне с этим, иди, пожалуйста, к комиссару, он, кажется, патефоны получил.

— Дело, как сказать, такое, — несмело возразил Кушев, — что вам доложить надо...

Полковник отложил бумаги в сторону и сказал нетерпеливо:

— Ну, докладывай скорее, короче и, пожалуйста, без своих «как сказать», у меня дела сейчас по горло.

Неизвестно, о чем докладывал Кушев командиру полка, но когда беседа кончилась, полковник проводил Кушева до двери и на лице его сияла довольная улыбка.

Говорят, ночь — спутница одиноких, ночь — помощница всех, кто прячется, кто ищет уединения, она укрывает от нескромных взоров тайну всех секретных и загадочных дел.

Кушев любил ночь. Он любил углубляться в свои думы, любил бодрствовать, когда все спят, любил проходить там, где днем нельзя высунуть носа. Ночь была его стихией.

Лыжи скользили с легким скрипом; чуть-чуть талый снег покорно расступался по сторонам. В эту ночь Кушев, кроме автомата, захватил с собой топорик, лопатку и сумку, набитую какой-то рухлядью. Итти было тяжело, но Кушеву не привыкать стать.

Вот и опушка. Высокие сосны, безмолвные сторожа, обступают полянку полукругом. Днем на этой подковообразной поляне сверкающий снег слепит глаза, а сейчас здесь тихо и темно, луна надежно укрылась за облаками. Когда-то на поляне располагалась наша батарея, но немцы пристреляли поляну, и батарею пришлось перенести. Лишь кое-где под снегом и сейчас заметны бугорки старых окопов.

Кушев сбросил мешок, снял лыжи и взялся за лопату. Нарезал ровные снежные кирпичи и уложил их в одно место. Маленькая саперная лопата в его руках выглядела игрушкой. Груда кирпичей росла и росла...

Жарко стало Кушеву от возни со снежными глыбами,

сбросил он полушубок, остался в одном ватнике. Еще успешнее пошла работа.

Что же он строил? Ровные кирпичи ложились в ряд. Это стены. В задней стене, что была обращена к лесу, сделал проход — дверь. Стены поднялись почти в человеческий рост.

Тогда Кушев отложил в сторону лопату, взял топор и на лыжах отправился в лес. Скоро он вернулся с тонкими жердями на плечах. Он уложил их через ровные промежутки и забросал хвоей. Сверху наложил комья снега. Крыша была готова. Не собирался ли Кушев здесь жить?

И впрямь, Кушев вынул из мешка погнутое старое ведро, бутылку с какой-то жидкостью и полез в свою хижину. В передней стене, сбоку он осторожно пробил отверстие — окошко. Если посмотреть со стороны, то видно было, как из окошка высовывалась труба, вероятно стереоскопическая, какими снабжаются наблюдатели. Да это блиндаж для разведчика-наблюдателя — вот что соорудил Кушев!

Между тем разведчик снова выбрался наружу и напряженно стал всматриваться в сторону немцев. Там было тихо. Тогда Кушев надел полушубок и начал не спеша собирать разбросанные по снегу инструменты.

Медленно наступал рассвет. Тени деревьев побледнели, величавые сосны резче выступили на фоне посветлевшего неба. Кушев набил табаком трубку, с наслаждением затянулся и снова полез в блиндаж. Он не показывался одну-две минуты. Потом вышел оттуда, прикрепил лыжи и быстрыми шагами удалился в лес. Для кого же построил Кушев блиндаж? Уж не для немцев ли? Угадали, для них!

* *

*

На батарее лейтенанта Буше начался переполох. Буше, высокий костлявый офицер с длинной, как у аиста, шеей, тыкал биноклем в лицо ефрейтора Росса и визгливо кричал:

— Олухи! Так спать всю ночь! Русские валят деревья, тешут бревна, а вы дрыхните, как свиньи. Блиндаж построен под носом у батареи, — позор!

Росс растерянно хлопал белесыми, выцветшими ресницами. Он клялся, что ночью ничего не было слышно. Правда, часовой сидел в землянке, а не снаружи — этот проклятый зимний ветер, от него на батарее повальный грипп, — но стук топора...

— Стук топора, стук топора! — раздраженно передразнил его лейтенант. — Если бы над ухом этого болвана били даже в сто турецких барабанов, он и то бы продолжал храпеть. Мне же не мерещится, смотрите сами.

И он опять тыкал ефрейтору бинокль.

Росс посмотрел в бинокль и вторично убедился, что там, на поляне, которая еще вчера была пустынной, русские ночью построили блиндаж. Из отверстия струился дымок: большевики разогревают завтрак! В окне упрямо торчала труба: они хотя-то высмотрели!

И тут орудийные выстрелы раскололи воздух. Ух-х... ух-х... рвались снаряды.

Наши бойцы оживились. Немцы начинают палить из орудий. Что-то будет! Но с каждым новым разрывом снаряда бойцами все больше овладевало недоумение: немцы упорно били по лесу и поляне, на которой давно уже никого не было.

— Что за дурачье! Видно, снарядов не жалко, — с недоумением переговаривались бойцы.

Вдруг громовой взрыв хохота сотряс стены землянки командира полка. Этот смех веселой, задорной искрой побежал по проводам полевой связи, передавался через посыльных, адъютантов, почтальонов.

— Ха-ха-ха! — смеялись пехотинцы.

— Хо-хо-хо! — солидно вторили им артиллеристы.

— Хи-хи-хи! — озорно заливались толстые повара и повара и от удовольствия начали колотить ложками по кастрюлям.

С потными лицами металась немцы у орудий. Грохот и лязг пошел по батарее. Хлопали орудийные замки, со звоном выбрасывая стреляные гильзы, громоподобно зву-

чали выстрелы, но весь этот шум покрывал от души веселый хохот советских бойцов — разведчиков, связистов, стрелков, минометчиков, ездовых.

Одинок стоял кушевский снежный блиндаж. В старом ведре, потрескивая, горели облитые маслом тряпки и сосновые ветки, дымок струился над блиндажом.

Пустая гильза от снаряда сиротливо выглядывала из окошка. А вокруг с воем неслись снаряды, обломки деревьев и столбы снега взлетали вверх. Кромешный ад был вокруг.

* *

*

— Кончен бал! — удовлетворенно воскликнул лейтенант Буше и вытер платком вспотевший лоб.

Да, наконец-то снаряд угодил прямо в кушевский блиндаж, и его не стало.

Буше вернулся в офицерскую землянку, выпил стакан рома и записал в батарейном журнале:

«Сегодня в 8.00 уничтожен важный наблюдательный пункт противника. Израсходовано 42 снаряда. Лейтенант Буше».

Если бы лейтенант был в эту минуту в землянке командира советского полка, то он мог бы познакомиться с другим только что составленным и подписанным документом:

«За умелый обман противника, а также доставленное развлечение бойцам объявляю разведчику Кушеву благодарность. Командир полка Бабий».

НА ОХОТЕ

Эту историю рассказал мне полковник Бабий. Я передаю этот рассказ без изменений, как он записан в тетради.

Однажды Кушеву дали задание пробраться в деревню, которую занимали немцы.

— Мне донесли, что в деревне танков немецких много, — сказал Кушеву командир. — Узнай, правда ли это.

Дело было осенью, второй день лил дождь. На дворе

было холодно, сыро, носа бы не высунул из теплой избы. Но раз приказ получен, надо его выполнять. Таков закон на войне.

Накинул Кушев на плечи плащ-палатку, зарядил свой автомат и ночью ушел в разведку.

Шел он тропинкой лесной, посвистывал. Места знакомые, хаживал тут не раз, потому и не боялся разведчик ничего. Зашуршат ли на орешнике ветки, посыплется ли сверху листья, а Кушев внимания не обращает. «Это белка скачет по сучьям». Бывает, в кустах кто-то закопошится, но Кушеву опять хоть бы что. «Коза заблудилась, вот и бродит, непутевая, по чаще».

Чем ближе подходил он к опушке, тем реже становились деревья. Посветлело в лесу. Осторожней стал разведчик. Спустился он в овраг и пополз по дну. Продвинется немного, остановится, прислушается, а потом опять дальше. Вдруг слышит — лошадь ржет. «Дополз, значит», подумал про себя Кушев и стал наверх карабкаться.

Неизвестно, сколько времени прошло, но только добрался разведчик благополучно до деревни. Там у оврага он заметил, что на поляне табун лошадей пасется. С лошадьми-то и дошел разведчик до околицы. А потом выбрал укромное место и наблюдать начал.

Забрался Кушев на чердак старой бани и в щелку стал смотреть. Ох, и хитра же проклятая немчура, на какие только уловки не пускается! Правду сказали командиру, есть в деревне танки. Но вот сколько их? Оказалось, гоняют немцы один единственный танк по деревне, а издали кажется, что много их. А чтобы шуму больше было, немцы у танка глушитель сняли. И фырчит он на всю округу. Кушев знал эти штучки, сам трактористом работал.

Высмотрел все Кушев и прикинул в уме: «Стемнеет только, я и выберусь отсюда. Лошадей ведь опять в ночное погонят, я и дойду с лошадьми до оврага, не заметят меня немцы». Только подумал так Кушев, смотрит — шагают два немецких солдата по улице, один с ведрами, другой с топором. «Уж не баньку ли они вздумали натопить?» И в самом деле, дошли немцы до переулка, к бане сверну-

ли. Спрыгнул Кушев с чердака, выскочил наружу — и в кусты. Стал ползком из деревни выбираться.

Ползет, а сам думает: «Придется через поляну переползать, а она открыта со всех сторон, негде тут спрятаться, обязательно приметят немцы. Но и здесь у дороги ночи дожидаться опасно. Собака и та может выдать. Нет, уж лучше рану получить, только бы к своим добраться».

И вышло все, как подумал. Только на поляну он сунулся, затрещали автоматы. Увидели немцы разведчика!

Ползет Кушев, земли под собой не чувствует, а пули так и свистят кругом. Огляделся разведчик, видит — ровик впереди. Когда-то здесь стог сена стоял, вот и окопали его, чтобы скотина не лазила. «Хоть бы до ямки до этой доползти», думает Кушев.

И дополз, свалился в ров, вспотел даже весь. Тяжело ползти по скользкой траве, да еще плащ-палатка мешает. «Дай-ка сброшу ее», решил Кушев. Снял он плащ, стал шнурок выдергивать, который вокруг плеч обвязывается. Очень уж хороший шнурок, ременный, сам его сплел. Вынул Кушев шнурок, тут его и осенило. Улыбнулся Кушев, повеселел сразу. Свернул плащ-палатку комом, обвязал шнурком, потом к концу еще два ремня добавил. Длинный получился шнур.

Выбрался разведчик из рва, стал дальше двигаться. Ползет, а к ноге шнур привязан. Тащится на шнуре за ним плащ-палатка, кувыркается, а немцам кажется, что это человек движется, они опять стрельбу открыли. Распластался Кушев по траве, одними локтями работает, его и не видно. По плащ-палатке немцы стреляют, а хозяина ее заметить не могут. Так и переправился Кушев через опасную поляну и благополучно в овраг скатился.

Вернулся к своим, рассказал командиру, что видел, и спать в избу ушел.

С того дня заметили друзья, что Кушев совсем мало разговаривать стал.

— Ну вот, опять на нашего разведчика хандра нашла, — говорили между собой бойцы.

А Кушев встанет утром, развернет плащ-палатку, посмотрит, сколько дырок в ней пули сделали, и молчит. То

ли думает о чем-то, то ли грустит над тем, как не погиб чуть-чуть, — не поймешь его.

Осень уж к концу подходила, листья с деревьев опали, и по утрам лужицы подмораживать стало. Наконец снег выпал, да такой глубокий, что без лыж и шагу не сделаешь. Повеселел Кушев. Приходит к командиру и заявляет:

— Прошу, как сказать, разрешить по первопутку на охоту сбегать.

Командир рассердился:

— Мил человек, ты совсем с ума спятил! Бои кругом, а он зайчишками баловаться надумал.

— Не за зайцами я на охоту собираюсь, — насупившись отвечал Кушев, — а за немцами.

Ничего не сказал на это командир, только рукой махнул. Знал он, если задумает что Кушев, обязательно сделает, стоит на своем. Потому что упрям, ой как упрям! Приходилось досадовать часто командиру на упрямство это. Но тут командир только крикнул вдогонку Кушеву:

— Смотри, охотничек, чтобы голову там тебе не снесли!

Отправился Кушев, шагает по полянке и не узнает леса. Как все изменилось вокруг с первым снегом! Где могучие корневища дубов, закутанные в теплые одеяла из мха? Где гладкие, как отполированные пни, на которых любил сиживать разведчик с трубкой в зубах? Не видно зарослей орешника, — в их тени не раз отдыхал разведчик. Исчезли и бесчисленные тропки, которые он так старательно запоминал и безошибочно разбирался в них даже в самые темные ночи. Сама просека кажется узкой, а деревья, занесенные снегом до самых веток, какими-то низкими-низкими. Нет, не узнать леса!

Хорошее настроение было у Кушева. Как будто он в школу идет и будет задачки решать. Трудные задачки, но он их решит. И от этого радостно было у него на душе.

Как разведчик, Кушев знал каждую немецкую засаду, каждый дозор. Но теперь все было занесено снегом. Найдет ли он норы, в которые закопались немцы? Найдет!

Кушев шел в белом халате. На ремне у него автомат

висел. Скользил Кушев по снегу, песенку напевал да по сторонам посматривал.

Свернул он в сторону: эта просека к деревне выходила, можно прямо на немцев нарваться. Знал разведчик, что там, в конце просеки, у высокого дуба немецкая засада находилась. Оставил Кушев лыжи у дерева и пополз. Разгребает снег руками. Получалась канавка глубокая, она и скрывала разведчика. Так и двигался он, как крот, к дубу приметному.

Не больше полутора метра оставалось до дуба. Примял Кушев снег вокруг себя, приложил к плечу автомат и выстрелил наугад. Потом быстро в сторону отполз. Пристроился у сосны и наблюдать начал.

Немцев было двое. Они огляделись и открыли стрельбу по окопчику, который разведчик оборудовал. Постреляли немного, встали. Потом побежали оба к окопчику кушевскому. Бегут и по-своему лопочут что-то, смеются — видно, обрадовались. Подпустил их Кушев поближе, заложил два пальца в рот да как свистнет изо всех сил! Ошалели немцы. Остановились и водят головами, как кулики на поле. Но не успели они рассмотреть, кто свистит так лихо, скосил их Кушев одной очередью.

Подошел он без опаски к немцам, автоматы их забрал, документы из карманов вынул, чтобы командиру передать, и к окопчику своему вернулся.

Здесь-то и таился весь секрет. Лежал в снежной яме кушевский ватник, в нескольких местах простреленный. Ватник этот Кушев еще дома тряпками набил; получилось чучело. Виснул Кушев чучело из снега, а немцы думали, что это разведчик советский выглядывает. Начали немцы по чучелу стрелять, оно свалилось. Тогда-то и кинулись немцы «добычу» забирать. А настоящий, живой разведчик их и подстерег.

Его в белом халате немцы не заметили, а ватник зеленый сразу им в глаза бросился. Вот и остались в дураках немецкие вояки.

До вечера бродил разведчик вокруг деревни. Подберется к дозору немецкому и опять чучело в ход пускает. Так убил он на этой охоте восемь немцев и четыре автома-

та принес. Обступили его друзья со всех сторон, расспрашивают:

— Кто же это тебе помог так ловко придумать все?

— Немцы, как сказать, и помогли. Осенью они на плащ-палатку польстились, я и решил их испытать. Не клонут ли, мол, на ватник мой? Вот и клонули.

Захохотали все. Хлопают разведчика по плечу, хвалят. А он улыбнулся немного и говорит:

— Вам, как сказать, все смешки, а мне вот куда теперь с дырявым ватником деваться? Заругает старшина. Не иначе, как к начальнику придется итти.

Он зашагал опять к избе командира, который и любил и понимал разведчика Кушева лучше чем кто-либо другой.

— Кто же был командир Кушева? — спросил я полковника.

— Да это я и был, — улыбаясь, ответил рассказчик. — Я, полковник Бабий.

КАРНАВАЛ

С запада плыли облака. В ясном небе они казались огромными и страшными. Черное густое месиво низко нависало над лесом. Деревья тревожно шелестели листьями. Собиралась гроза.

Казалось, вот-вот тучи раздвинутся и какая-то разрушительная сила ринется на землю. Черные тучи, немецкие тучи, холодные, злые гости с запада.

Раздались удары грома. И в эту минуту сержант Кушев увидел вверху белые барашковые облачка. Они плыли в залитом солнцем голубом просвете неба легко и свободно и радовали глаз.

— Никакая гроза, как сказать, не страшна, когда знаешь, что есть на свете солнце. Оно любые тучи разгонит, — сказал Кушев, обращаясь к друзьям.

Отозвался только Капуста:

— Никак я не пойму, сержант, что ты за человек. Чи разведчик, чи поэт?

Разведчики тихо засмеялись. Но Кушев не обиделся.

Радостное у него сегодня настроение. Вчера он опять разговаривал с полковником. Правда, полковник сердился на Кушева, но сердился за дело: не нравилось ему, что сержант постоянно один берется поручения выполнять.

— Ты, мил человек, как филин, от людей прячешься,— сказал полковник. — Пора бы бросить это.

И вот Кушев вышел на разведку с друзьями, Пекшевым и Капустой.

Федор Капуста, рябоватый низенький украинец, все время трунил над Кушевым:

— Ты, командир, не стесняйся з нами. Может, тебе неудобно балакать, так ты молчи. Ой, скучае командир, бачу, что связався з нами, и скучае!

Но Кушев не скучал. Поймав звенящего над ухом комара, положил его на ладонь и нарочито заунывно сказал:

— Сообщае для сведения родных и знакомых. У Комара Комаровича Комарова переломаны три ребра, растянуты сухожилия правой ноги, сильно помята грудная клетка. Положение, как сказать, безнадежное.

Потом улыбнулся и щелчком пальца сбросил комара на траву.

Бойцы засмеялись.

День был уже на исходе, а гроза еще не разразилась.

— Ну, ночка дождливая будет, — сказал Пекшев.

— Похоже, що так, — подтвердил Капуста.

Последние лучи солнца сверкнули в облаках и погасли. Понемногу густая темень окутала землю, и бойцы двинулись снова вперед.

Вел их Кушев к деревне. Он еще раньше заметил на окраине этой деревни просторный сарай, около которого целыми днями торчал немецкий часовой. Не иначе, здесь пост фашистов находился.

Пока бойцы шли, начался дождь.

Часового они возьмут живьем, решил Кушев и распределил роли так: Пекшев останется метрах в пятидесяти от сарая и в случае тревоги прикроет разведчиков огнем автомата, Капуста зайдет в сарай и возьмет часового, который от дождя, наверно, туда спрятался, а он, Кушев, останется снаружи.

Дождь не переставал. Гимнастерки у бойцов вымокли. Неприятная прохлада растекалась по телу.

— О це ж не моя работа по мокрести шляться, — проворчал Капуста.

— Молчи, Федор, дома поговоришь, — тихо приказал Кушев.

Больше уж никто не нарушал тишины. Слышалось только легкое чавканье сапог да всплески дождевых капель в лужах. Вот показался сарай. Часового, как и ждал Кушев, снаружи не оказалось, он укрылся от дождя. Кушев присел на корточки и указал Капусте на сарай:

— Иди!

Капуста постоял в нерешительности, потом тихо прошептал:

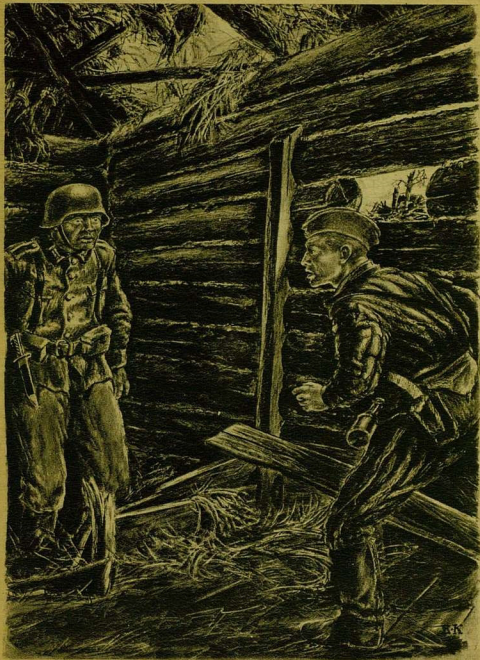
— А мабуть, вин двужильный, чертяка?

Тогда Кушев передал Капусте свой автомат и шагнул в сарай.

Немца он не увидел, а услышал: в сарае раздавался свистящий залихватский храп. Кушев огляделся. Часовой сидел, прислонившись к стене, недалеко от входа. Голова его в съехавшей набок пилотке безжизненно лежала на коленях.

Разведчик подошел к часовому и наступил ему на ногу; немец беспокойно заворочался и глухо простонал — видно, тяжелый сон приснился ему в эту минуту. Кушев нажал сапогом сильнее. Часовой проснулся и вскочил. Разведчик схватил его поперек туловища и выбросил наружу. И там Капуста сразу надел на немца. Тот закричал.

В это мгновение в углу поднялся другой немец и испуганно уставился на Кушева. Разведчик кинулся к нему, но широкоплечий атлет-немец отшвырнул его, как перышко. Больно стукнувшись о косяк, Кушев быстро вскочил на ноги и в следующую секунду уже висел на немце. Они барахтались на соломе, стараясь ухватить друг друга за горло. В пылу борьбы Кушев ловко выхватил у немца тесак и ударил врага в грудь. Немец, охнув, повалился к стенке. Кушев выскочил наружу. Капуста с помощью подоспевшего Пекшева все еще продолжал борьбу с часовым. Они скрутили его и повели.

«Язык» оказался очень словоохотливым и сообщил, что немцы скопили в деревне большие силы, что готовится наступление и ожидают только, когда придут пушки.

Полковник собрал командиров; стали думать, как бы сорвать это немецкое наступление.

— Разрешите, полковник, я им устрою, как сказать, карнавал, — попросил Кушев.

— Надо еще обсудить, что за карнавал ты придумал, — ответил полковник. И он вышел вместе с Кушевым в комнату начштаба.

Говорят, что для карнавалов выбирают обычно темные ночи. Если так, то выбор, сделанный Кушевым, был безусловно удачным. Во всяком случае, в эту ночь человека нельзя было рассмотреть и на расстоянии трех шагов. Кушев, Капуста, Пекшев и четверо других разведчиков двигались к деревне, изредка перекликаясь свистом.

— Конечно, кто что любит, — ворчал Капуста. — По мне, чем шляться от здесь по ночи, лучше сидеть бы у камельку та чаек попивать. Но товарищ сержант без карнавалов жить не может...

Цепочкой приближались разведчики к цели. Немцы их не ждали. И кто бы мог подумать, что русские в такую темень, когда кругом хоть глаз выколи, предпримут какую-то операцию! А разведчикам это было как раз кстати.

Все они захватили с собой много боеприпасов — по несколько гранат и бутылки с горючим. Когда впереди показались избы, Кушев остановился.

— Ну вот, как сказать, здесь и будем воевать. Капуста, твои две избы слева. Жди сигнала.

Обойдя деревню, Кушев распределил всех людей. Сам он остался крайним справа. Все ждали его сигнала.

Кушев огляделся вокруг. Сзади, метров за пятнадцать, стояла большая развесистая ветла. «Если отбежать, можно укрыться за нее», подумал сержант. Он измерил расстояние глазом и бросил на крышу бутылку. Она глухо ударилась в трубу и раскололась. Жидкость поползла вниз, дым окутал крышу. Солома вспыхнула, и языки пламени освещали

тили ночное небо. Через окно Кушев бросил внутрь избы две гранаты. Забросав бутылками и другую избу, разведчик отбежал к дереву. Он прижался к стволу ветлы и стал наблюдать.

Его друзья услышали сигнал. Одна за другой загорались переполненные немцами избы. Рыжие огни бежали по конькам крыш, перебрасывались на сарай, овины. В деревне началась суматошная паника.

Кушев видел, как мелькнули тени убегающих разведчиков. Пора было уходить, но он не мог оторваться от зрелища.

С каждым порывом ветра пламя пожара становилось все ярче; подхваченные вихрем пучки соломы носились в ночном воздухе, рассыпая вокруг искры всех цветов и оттенков. Один за другим глухо раздавались взрывы. И в этом сплошном море огня бегали полураздетые люди, спотыкаясь и падая, суматошно крича от боли и страха.

«Не забудут фрицы, какой я карнавал им придумал! Дождутся они пушек для наступления!» вспомнил Кушев показания «языка».

Наконец Кушев спохватился: полковник дал разведчикам полторы минуты, чтобы убраться подальше, после этого начнут действовать наши пушки, минометы, пулеметы. Стрелять они должны были в упор, так как под покровом ночи их подтянули к деревне почти вплотную. Кушев представил себе, какой замечательной мишенью стало для его друзей артиллеристов охваченное пожаром и паникой село. Едва он начал отползать, как услышал — над головой засвистели первые снаряды.

Карнавал удался на славу. Всю ночь грохотала артиллерия, стреляли пулеметчики, снайперы. Лишь к утру немцам удалось прекратить панику и отвести уцелевшие остатки войск из пылающей деревни.

Разведчики в следующую ночь побывали здесь еще раз. Они увидели среди дымящихся развалин горы немецких трупов.

КУШЕВ РАССКАЗЫВАЕТ

Кушев, Капуста и Пекшев лежали в снарядной воронке и потихоньку переговаривались.

— Нэмец хитрый вояка, — ворковал Капуста, поудобнее раскладывая под собой ветки. — Его не трогают, и он молчит. Сдается, что тучочки у него кишка тонка.

Пекшев возразил:

— А какая там хитрость! Снаряды подвозит, вот и молчит. Подожди, заговорит еще.

Затрещал телефон. С батареи проверяли слышимость.

В этот раз Кушева с друзьями назначили корректировать огонь артиллерии. Они подобрались к самым немецким окопам и должны были следить за разрывами, чтобы сообщать на батарею о недолетах и перелетах. Сменят артиллеристы прицел, и тогда уже точно полетят снаряды. Это и называется корректировкой.

Но пока не было стрельбы, отдыхали разведчики.

— Расскажи, сержант, как ты нэмця обмануешь, — приставал к Кушеву Капуста.

Но разведчик отнекивался, не любил он о себе рассказывать.

— И гордый же ты, сержант! — сердился Капуста. — Не разведчик, а прямо ясновельможный пан. Молчи хоть до утра, хоба ж я помру от того?

Но не хотелось Кушеву, чтоб товарищи обижались, и он начал:

— Случай этот был с одним командиром под Холмом, в разведке. Наткнулись разведчики в деревне на немцев и ни туда, ни сюда податься не могут. Видят немцы, что наших-то мало, и решили их живьем взять. Окружили их со всех сторон и гонят по улице. А наши перебегают от дома к дому, думают, что конец им приходит...

Капуста придвинулся еще ближе к рассказчику. Пекшев, чтобы лучше слышать, снял наушники телефонные.

— И говорит тогда командир бойцам, — продолжал рассказывать Кушев: — «Оставайтесь здесь, а я сейчас немцев в другую сторону поманю. Как только удалятся они,

ползите влево, тут ручеек высохший есть. По ручейку до леса доберетесь».

Сказал это он, а сам встал и, не прячась, побежал по улице. Немцы со всех сторон кинулись за ним, думают: «Ну, сейчас наш будет». А в это время командир добежал до горящего дома, что был нашим снарядом подожжен, и бросился в него. Немцы рты разинули. «Рус капут, капут!» кричат.

Но не таков, как сказать, был командир, чтобы погибнуть зря. Пока в доме пылала крыша и потолок загорался, он выпрыгнул из окна с другой стороны — и прямо в кусты. По кустам этим и выбрался из деревни. В лесу и бойцов своих встретил, они по ручью выползли. Так он товарищей из беды выручил и сам спасся.

— Забавная история, — задумчиво сказал Пекшев и снова надел наушники.

Протяжно закричал сыч, набежал ветер и бросил в воронку пригоршню сухой земли. К утру становилось прохладнее.

Капуста прикрыл шинелью поплотнее колени и попросил Кушева:

— Ну, расскажи еще чего-нибудь про командира про того.

— Да что про него рассказывать, — ответил Кушев. — Под тем же Холмом он было совсем в плен попал, но потом выкрутился. Взяли его сонного. Он три дня не спал, пробрался в деревню чужую, прилег на солнышке понаблюдать за немцами и уснул. Тут они и насели на него. Ведут его по селу, а он думает: «Ну, теперь пропал, замучают, проклятые!» Привели к офицеру, допрашивать начали: «Ты кто?» — «Командир». — «Один в разведку шел?» — «Нет, с бойцами». — «А где они?» — «В лесу ждут».

Все это неправда была, командир один в разведку ходил, но решил он немцев обмануть. Сказал он офицеру, что, дескать, если поведут его к бойцам, то он и им прикажет в плен сдаться. Задумался офицер. Хочется ему бойцов побольше в плен забрать, да подвоха боится. Наконец

решился. Послал он командира под охраной шести солдат с унтер-офицером.

— Куда же их повел командир? — нетерпеливо спросил Пекшев.

— А ты слухай! — сердито толкнул его в бок Капуста.

— Сначала он и сам не знал, куда вести немцев. Потом сообразил. Местность он хорошо знал, знал, где какой блиндаж у нас. Вот он к нашим пулеметам и повел немцев. Довел их почти до самого блиндажа, а потом сам в сторону, в кусты бросился. Немцы скинули автоматы с плеч, стрельбу открыли. Да только этим и погубили себя. Услышали наши стрельбу, как дадут пулеметную очередь, тут немцам и вышел форменный капут. А командир отлежался в кустах и к своим приполз.

Последние слова рассказчика потонули в грохоте взрыва. Совсем рядом упал немецкий снаряд. Кушев надвинул плотнее каску и стал карабкаться к краю воронки. Черное полотно неба исчертили красные полосы трассирующих пуль и ракет. Пушки ухали где-то далеко.

— Верст за двенадцать будет, — промолвил Капуста.

— Нет, ближе, километров шесть, — поправил его Пекшев.

Кушев скатился вниз и возмущенно воскликнул:

— Чего же наши там возятся? Вот бы сейчас, как сказать, и ударить в самый раз.

Но наша артиллерия упорно молчала. Скоро и немцы прекратили стрельбу. Наступила тишина.

— Посмотрите, как сейчас немцы по своим лупить начнут, — лукаво улыбаясь, сказал Кушев.

Вынул он ракетный пистолет, зарядил его и выполз из воронки. Раздался выстрел. Красная ракета взвилась вверх и полетела в сторону немецких окопов.

Кушев выпускал одну ракету за другой, а разведчики все еще ничего не понимали. Скоро действительно загрохотала немецкая артиллерия. Но снаряды ее почему-то рвались... в немецких окопах!

— И що ты за колдун? — спросил у Кушева Капуста, когда тот спустился вниз.

— Какой же я колдун, — ответил Кушев. — Разве вы

не заметили, что во время обстрела немецкие корректировщики пускали в нашу сторону красные ракеты: это у них на сегодня сигнал такой установлен...

— Самолеты! — перебил разговор Пекшев,
Над землей плыл прерывистый, низкий гул.

— Гансы летят, — определил Капуста.

Кушев опять пополз куда-то. Снова разведчики услышали выстрелы ракетного пистолета и увидели красные полосы на небе. Кушев давал теперь сигналы немецким самолетам. Гул моторов усиливался с каждой минутой. Взрывы огромной силы сотрясали землю, и снова немцы, обманутые Кушевым, бомбили свои же окопы.

Когда сержант доложил обо всем, что произошло, по телефону в штаб, оттуда приказали снять корректировочный пункт:

— Выходит, что цели, которые мы намечали обстреливать, немцы сами уничтожили. Ну и спасибо им за это!

Возвращались весело. Пекшев сматывал шнур, а Кушев с Капустой шагали рядом, помогая ему.

— И ловкач же ты, сержант! — восхищенно говорил Капуста. — Фокусник, що обмануе публику у цирке! Даст же бог разум такой!

— Брось ты, Федор, — сердито перебил его Кушев. — Побывал бы ты под Холмом, так тоже бы фокусником стал.

— Но ведь под Холмом не ты був, а твой командир, — поймал Капуста Кушева на слове.

Кушев смутился.

— Какой ты дотошный, Капуста! Разве тебе станет легче, если узнаешь, что в плену, как сказать, я сам и был? Ничего тебе нельзя рассказать по секрету.

— Да ты не сердчай, сержант, — ласково ответил Капуста. — Я и так догадываюсь, що ты об себе сказувал. Это я так...

Кушев больше не разговаривал и шел молча. Может быть, удалой человек обдумывал какую-нибудь новую хитроумную штуку.

СОДЕРЖАНИЕ

Удалой человек	3
Стреляющее дерево	8
Кушев веселит	12
На охоте : :	17
Карнавал	22
Кушев рассказывает	28

для МЛАДШЕГО ВОЗРАСТА

Ответств. редактор *Е. Костромина*
Подписано к печати 10/X 1942 г. 2^{1/2} печ. л. (1,64 уч.-изд.л.), 35468 зн. в печ. л.
Тираж 50000 экз. Л100679. Заказ № 2211. Цена 70 коп.

Фабрика детской книги Детгиза Наркомпроса РСФСР. Москва,
Сушевский вал, 49.

1002

Цена ~~70~~ коп.